

На какое-то время в гостиной воцарились лишь истошные вопли убийцы. Фань Хун повёл глазами, и слуга тут же схватил со стола салфетку, заткнув пленнику рот.

У нападавшего начисто срезало щеку — обнажились зубы и десны. Теперь он мог лишь мычать, но при каждом вздохе из раны пузырилась кровь. Обезумев от боли, несчастный рвался забиться головой о стену, но стражники держали его намертво.

Фань Хун повернулся к Цзинпину:

— Ну что, юный брат, Иншу принесла тебе свои извинения. Сменил гнев на милость?

Он слегка удивился, что мальчишка даже не расплакался от страха, и небрежно махнул слугам:

— Уведите его. Визжит хуже резаного кабана.

Говорил он с неизменной улыбкой, будто происходящее не стоило и выеденного яйца. Префект вновь пошевелил пальцами, и слуга, приблизившись к Иншу, приподнял подол его платья.

Стояла глубокая осень, но на Иншу была лишь тонкая шелковая юбка. Его босые ноги покоились на меховой подставке кресла-каталки. Белоснежный ворс уже пропитался багрянцем, струившимся от лодыжек. Без прикрытия ткани взорам предстали две полукруглые раны у самых пяток — сухожилия были перерезаны.

Цзинпин не догадывался, что перед ним мужчина. Почитая правила приличия, он поспешно отвёл взгляд.

— Он мне слишком дорог, господин Ли, — вздохнул Фань Хун. — Пожалейте его хотя бы за то, что он тоже из ханьцев. Поговорите с господином Хуа, пусть и молодой господин Цзин сменит гнев на милость. В наше суровое время никто себе не хозяин. Ходить он больше не сможет, так что до гробовой доски останется при мне. Окажите услугу скромному чиновнику, а?

Ли Яо был неприятно поражен. Он не ожидал, что Фань Хун зайдет так далеко. По правде говоря, судьба несчастного красавца, запертого в золотой клетке похотливого префекта, мало его заботила. Куда больше его занимало, почему эти люди так упорно преследовали Цзинпина. И всё же в глубине души шевельнулась мимолетная жалость: до чего же по-разному складываются людские судьбы...

Он промолчал, желая посмотреть, какие ещё уловки пустит в ход Фань Хун. Попутно Ли Яо скользнул взглядом по Цзинпину — мальчишка наверняка впервые видел столько крови и мог вот-вот лишиться чувств.

Однако лицо юноши лишь помрачнело, не выдав и тени страха.

Решив, что гости окончательно притихли от страха, Фань Хун самодовольно улыбнулся и обратился к Цзинпину:

— Ну же, юный брат, Иншу так старалась, готовя этот обед во искупление вины. Отведай, пока не остыло.

Не успел префект сполна насладиться мелкой местью за дерзость мальчишки, как Цзинпин резко поднялся с места. Схватив со стола серебряный нож для мяса, он в два шага оказался возле Иншу и прижал лезвие к его горлу.

— Я не ем человечину, да и обида моя никуда не делась, — холодно процедил он. — Не прощай ли позволить мне убить её?

Он вскинул голову и в упор посмотрел на Фань Хуна. Его взгляд заледенел; он напоминал готовую к броску ядовитую змейку.

— Раз уж ваше превосходительство являет мне такую милость, грех ею не воспользоваться. В своих странствиях я встречал снадобье, способное уберечь труп от тления на долгие годы. Вы ведь любите её за красивое личико? Так вы получите её навеки и при этом избежите обвинений в пособничестве врагам государства. Я тешу месть, она получает легкую смерть, а вы — вечную куклу. Разве не идеальный исход?

Фань Хун онемел, его лицо пошло пятнами.

Даже Ли Яо изумился. С ним Цзинпин всегда был заботлив и предан, но с хозяином города заговорил языком истинного злодея. И всё же эта вспышка была лишь юношеской глупостью — горячая кровь требовала немедленной победы.

Ли Яо негромко кашлянул, поднялся из-за стола и строго приказал:

— Довольно ребячества. Господин префект просто пошутил с тобой. Опустит нож и подойди ко мне.

Цзинпин обернулся. Гнев в его глазах угас, уступая место послушанию. Он уже собирался выпустить Иншу и убрать оружие, как вдруг...

Иншу резко рванулся вперёд, насаживая шею на острие. Одной рукой он мертвой хваткой вцепился в предплечье юноши, а другой схватился прямо за голое лезвие, увлекая его к своему горлу.

Он действительно искал смерти.

Цзинпин оцепенел от ужаса. Проявив чудеса реакции, он в последнее мгновение швырнул серебряный нож в пустой угол зала.

Почти одновременно в воздухе со свистом пролетела бамбуковая палочка для еды. Она точно угодила в акупунктурную точку на запястье Иншу. Рука пленника мгновенно онемела и безжизненно повисла.

Худшего удалось избежать: шея осталась цела, да и пальцы не пострадали.

Палочку, разумеется, бросил Ли Яо.

Префект в ярости вскочил, подлетел к Иншу и наотмашь влепил ему звонкую пощечину.

— Уберите его! — прорычал он слугам. — Связать по рукам и ногам!

Обернувшись к Ли Яо, Фань Хун натянуто улыбнулся:

— Не зря вас зовут наставником секретаря Хуа. Мастерство поразительное.

Ли Яо лишь вежливо улыбнулся в ответ и строго бросил Цзинпину:

— Живее сюда.

Понимая, что едва не натворил бед, Цзинпин молча поплёлся к нему. Ли Яо стоял, поэтому юноша тоже не стал садиться, покорно замерев рядом со сложенными руками.

Ли Яо бросил взгляд на темнеющее небо за окном и обратился к Фань Хуну:

— Благодарю за щедрое угощение, ваше превосходительство. Я уяснил ваши пожелания и сделаю всё возможное, чтобы убедить Чжаочжи пойти вам навстречу в его заботе об этом красавце. Время позднее, не смеем более злоупотреблять вашим гостеприимством. Позвольте откланяться.

Добившись своего, Фань Хун не стал удерживать гостей. Вновь нацепив маску добродушного хозяина, он лично вызвался проводить их до ворот.

Когда они шли бок о бок, взгляд префекта прикипел к запястью Ли Яо.

— Какое изысканное украшение, — сощурился он, разглядывая иссиня-черный браслет. — На редкость занятная вещица. Не уступите ли её мне за хорошую цену, господин Ли?

Этот браслет Ли Яо получил в тринадцать лет из рук покойного императора. Его выковали из расплавленного Железного талона освобождения от смерти, а поверх закрепили простое костяное кольцо — осколок кости боевого коня, прошедшего с государем сотни сражений. Воля монарха гласила: пока это украшение на руке владельца, ему прощается любой грех, кроме измены.

Но чего стоили эти обещания теперь?

Какая ирония. Он никогда не помышлял о предательстве, всю жизнь без остатка положив на алтарь процветания империи. В награду же удостоился тайного указа покойного владыки: ежегодно на новогоднем пиру выпивать чашу с ядом...

Когда Ли Яо открылась правда, эту «величайшую милость» он безропотно вкушал уже без малого десять лет. Оказалось, что даже снять проклятый браслет с запястья теперь невозможно.

Всякий раз, вспоминая об этом, Ли Яо чувствовал тяжесть невидимых оков, выкованных из монаршего коварства. Вся его жизнь превратилась в злую шутку.

Он горько усмехнулся:

— Я ношу его с самого детства, господин Фань. Боюсь, если вы действительно этого хотите, мне придётся отрубить себе кисть, дабы доказать мою преданность.

Фань Хун испуганно замахал руками:

— О господи, помилуйте, что за крайности! Я ведь лишь приметил, что он сидит плотно, и подумал, нет ли там потайного замка. Оказывается, нет.

За праздной беседой они незаметно вышли к воротам управы. Префект подозвал одного из слуг — того самого хорошенького юношу, что весь вечер прислуживал Ли Яо за столом:

— Проводи господина Ли до дома. А коли господин пожелает, чтобы ты остался на ночь — подчинись.

Склонившись к самому уху Ли Яо, Фань Хун вкрадчиво нашептал:

— Он чист. Никто к нему ещё не прикасался.

Ещё со времен прежней династии в домах знати повелось держать смазливых служек. У книжников они звались писцами, у воинов — пажам. На деле же эти юные создания нередко становились наложниками своих господ: ублажали в дороге, не обременяя нежелательным потомством.

Ли Яо с первого взгляда раскусил этот жест. Расспросы о браслете, предложение слуги — префект Фань всюду пытался отблагодарить его за содействие, ведя привычные грязные торги по всем правилам чиновничьего сословия.

Не успел Ли Яо вежливо отказаться, как Цзинпин решительно шагнул вперёд и перехватил его под руку.

— Я сам провожу господина Ли, — твёрдо произнёс юноша. — Не утруждайте себя, ваше превосходительство.

Ли Яо на мгновение опешил, но тут же мягко улыбнулся префекту:

— Цзинпин прав. Благодарю за заботу, господин Фань, но я обойдусь его помощью.

Фань Хун понимающе сощурился:

— Что ж, в таком случае вверяю вас заботам молодого брата. Доброго пути.

Он стоял у ворот без тени чиновного величия, провожая их взглядом до самого поворота улицы, и лишь затем вернулся в усадьбу.

Хмель приятно туманил голову. Ли Яо не торопясь шёл по залитым лунным светом торговым рядам, разглядывая витрины лавок, из которых доносились ароматы пряной еды и дорогого вина. Тысячи фонарей озаряли ночное небо, но за этой праздничной суетой ему чудилась огромная, зияющая пустота.

«Стоит ли разворошить дела префекта Фаня?» — подумал он и тут же одёрнул себя: «Какое мне до этого дело...»

Цзинпин послушно шёл следом, отставая на полшага.

Налетевший порыв осеннего ветра заставил юношу поплотнее запахнуть ворот. Ещё утром Ли Яо велел дяде Суню раздобыть для него тёплые вещи. Боясь, что сирота простудится, старик тут же сбегал в лавку и принёс два добротных комплекта одежды. Сейчас на Цзинпине был плотный стёганный халат, и мёрзнуть он никак не должен был.

Пока он прятал ладони в рукава, перед глазами мелькнула тень — Ли Яо распахнул широкую накидку и укутал его плечи.

— Токсины ещё не вышли из крови, ты слаб. Моя оплошность. Пойдём скорее.

От Ли Яо пахло благовониями и едва уловимым ароматом хмеля. От этого запаха у не пившего ни капли юноши слегка закружилась голова. Сквозь плотную ткань халата он почувствовал тепло чужой ладони, укрывшей его от ледяного ветра.

— Тебе уже доводилось убивать? — негромко спросил Ли Яо.

Цзинпин вздрогнул. Не понимая, как мужчина догадался, он поднял взгляд, но Ли Яо смотрел куда-то вдаль.

— Да, — тихо ответил он. — Одного варвара.

Только тогда Ли Яо повернул к нему голову. Его глаза оставались спокойными и глубокими, как ночное озеро. Не в силах разгадать это выражение лица, Цзинпин спросил:

— Вы сердитесь?

— М-м? — уголки губ Ли Яо дрогнули в мягкой улыбке. — С чего бы мне сердиться на тебя? Ты превосходно бьёшь по больному месту. Угрожать нужно лишь тем, чего противник боится больше всего — только тогда это сработает. Но впредь старайся не поддаваться сиюминутному гневу.

Цзинпин задумчиво опустил глаза. Ли Яо больше не заговаривал с ним.

У самых городских ворот Цзинпин вдруг тихо произнёс:

— Однажды меня называли жестоким за то, что я смазал скрытые иглы зудным порошком. Кто же не хочет быть благородным воином? Но выжить для меня куда важнее, чем казаться праведником. Ещё тогда я понял, что в этой жизни приходится выбирать. Вот и сегодня... я не желал прикасаться к той мерзости на столе, но и просить вас унижаться перед господином Хуа тоже не хотел. Я и без того втянул вас в эти неприятности. Зачем вам ссориться с префектом из-за меня? Если он решит покарать кого-то, пусть карает меня одного.

«И верно, кто же не хочет быть праведником?» — подумал Ли Яо. В этот миг он осознал, что стоящий перед ним мальчишка далеко не так прост, как казалось поначалу.

Он шутливо щелкнул Цзинпина по носу и рассмеялся:

— Глупости какие. И откуда в твоей голове столько мрачных мыслей? Раз уж я взял тебя с собой, для префекта Фаня мы — одно целое. Захочет извести — предлог всегда отыщется.

Он чуть крепче приобнял юношу за плечи:

— Всё, полно. Пора возвращаться домой и ложиться спать. Обо всём остальном я позабочусь сам.

Цзинпин моргнул своим единственным здоровым глазом. С одной стороны, его раздражало, что с ним опять нянчатся, как с малым дитятей, с другой — на душе становилось непривычно тепло. Сменив тему, он спросил:

— Вы ведь почти не пьяны. Зачем тогда он пытался навязать вам этого слугу? Хотел шпионить, чтобы вы поскорее исполнили его поручение?

Ли Яо лишь безмолвно покачал головой.

Ход мыслей этого ребёнка сочетал в себе поразительную проницательность и обезоруживающую наивность.

Ли Яо решил не осквернять юный разум грязными подробностями взрослых утех.

— Что-то ты сегодня разговорился, — усмехнулся он. — Лучше поведай мне, как ты одолел того варвара.

За неспешной беседой они миновали городские ворота. Ветер за пределами стен сделался ещё резче и холоднее. Извечный недуг Ли Яо тут же напомнил о себе — в горле запершило. Он потянулся к поясу за флаконом с пилюлями от кашля.

— В этих снадобьях наверняка содержатся сильные опиаты, — остановил его Цзинпин. — Они лишь притупляют чувства, а при частом приёме только вредят телу. Вы эти пилюли горстями едите, словно рис.

Ли Яо замер. Немного подумав, он послушно спрятал флакон обратно в рукав.

Цзинпин взял его руку, лежавшую на плече, и принялся аккуратно массировать точку на запястье, помогающую унять кашель. Пальцы Ли Яо оказались ледяными, а тяжелый браслет холодной сталью врезался в кожу над костью.

«Значит, тепло его рук мне просто померещилось, — подумал юноша. — Носить такую тяжесть должно быть жутко неудобно. Наверное, это подарок кого-то очень дорогого, раз он никогда его не снимает...»

Когда они добрались до усадьбы, была уже глубокая ночь. Наскоро умывшись, Цзинпин сам сменил повязки на лице и руках. В покоях Ли Яо к тому времени уже погас свет.

Юноша задул свечу и лёг в постель. Однако сон не шёл: он ворочался с боку на бок, а луна за окном тем временем успела подняться к самому зениту.

«Господин Ли велел мне ни о чём не беспокоиться. Но неужели завтра он действительно пойдёт просить за Иншу перед господином Хуа?

И почему эта девка так упорно охотится за мной?»

Мысли в голове Цзинпина роились всё быстрее, окончательно прогнав сон. Наконец он резко откинул одеяло, бесшумно поднялся и переоделся в тёмное дорожное платье. Скользнув за порог, он растворился в ночной тишине.